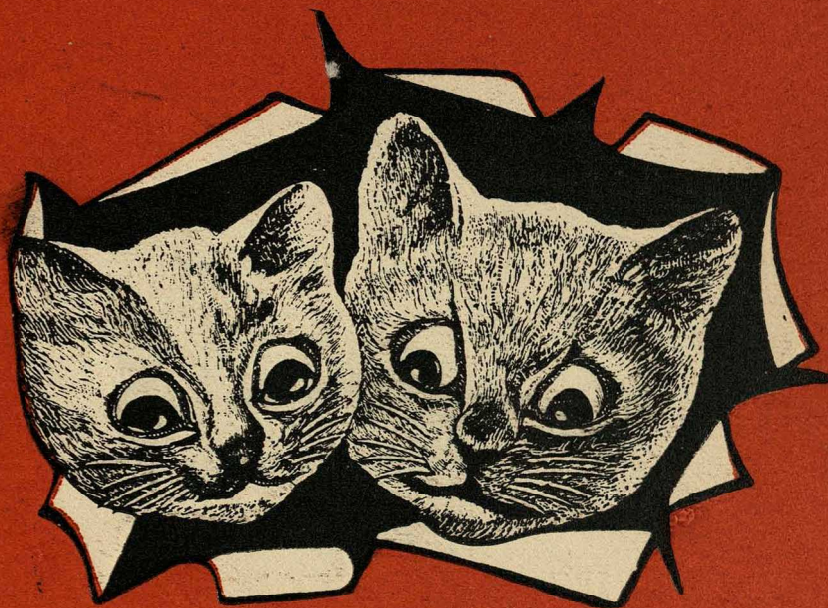

Годъ изданія пятый.

ІЮНЬ.

№ 15.

1912.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛѢ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ САДУ ВЕСНОЙ.
НИТКА ЖЕМЧУГА (повѣсть).
ЗАБЛУДИЛСЯ.
УТРО.
ДВѢ СЛЕЗЫ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Мельница для склеиванія.

Handwritten text at the top edge of the page, partially cut off.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PH.D. THESIS

1954

100

PHOTO COPY

UNIVERSITY OF CHICAGO

UNIVERSITY OF CHICAGO

PH.D. THESIS

1954

100

100

100

100

100

UNIVERSITY OF CHICAGO

PH.D. THESIS

№ 15. Июнь 1912.

Годъ изданія V.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Любимый котенокъ.

Публичный
№ 466
Румянцев

ВЪ САДУ ВЕСНОЙ.

Зеленой сѣтью винограда
Задрнуть густо частоколь
И у оврага въ глуби сада,
Шиповникъ розовый зацвѣль...

Пескомъ усыпаны дорожки,
Поднялся дернъ вокругъ куртинъ
И легкій вѣтеръ у осинъ
Качаетъ бѣлыя сережки.

Что день—деревья зеленѣе
И все пестрѣй цвѣтовъ коверъ,
И цѣлый день звенить въ аллеѣ
Веселыхъ птичекъ звонкій хоръ.

А тамъ вдали, за тихимъ прудомъ,
Гдѣ такъ отлоги берега,
Одѣты яркимъ изумрудомъ,
Кругомъ раскинулись луга.

Е. Селунская.

НИТКА ЖЕМЧУГА.

ПОВѢСТЬ.

У Николая Сергѣевича рано умерла жена. Онъ лишился ея, проживъ съ нею всего только полтора года, и это такъ на него подействовало, что онъ долго не могъ успокоиться, отправился путешествовать и все время переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто то въ Россіи, то за границей. Послѣ покойной жены у него остался ребенокъ, мальчикъ Боря, всего только шести дней. Къ нему наняли кормилицу, Настасью Ивановну, которая и стала его воспитывать. Николай Сергѣевичъ былъ человекъ состоятельный, не нуждался ни въ чемъ, не жалѣлъ для воспитанія своего сына ничего, но, не бывая по цѣлымъ мѣсяцамъ дома, онъ

рѣдко видалъ своего ребенка и часто даже не зналъ, живъ онъ или нѣтъ. Это смущало его. Онъ зналъ, что въ обхожденіи съ ребенкомъ самую главную роль играетъ мать, но замѣнить ея было нечѣмъ, и послѣ долгаго раздумья онъ рѣшилъ наконецъ написать своей старухѣ-теткѣ письмо, чтобы она взяла Борю къ себѣ и воспитала его такъ, какъ найдетъ необходимымъ.

Старушка обрадовалась. Она тотчасъ-же поѣхала въ домъ Николая Сергѣевича, взяла съ собою Борю и его Настасью и отвезла ихъ къ себѣ въ усадьбу, въ которой жила одна безвыѣздно уже нѣсколько лѣтъ. Она жила одиноко

окруженная большою дворней, ходила только въ черныхъ платьяхъ и цѣлые дни проводила въ молчаніи, но когда въ ея домѣ появился младенецъ, то она вдругъ сразу и круто перемѣнила свою жизнь. Казалось, колесо жизни повернулось для нея назадъ. Она какъ-то помолодѣла, какъ-то приободрилась, стала смѣяться и разговаривать и совсѣмъ перестала говорить о смерти. Плачь ребенка казался ей великолѣпной музыкой, которая стала звучать въ ея домѣ, она не могла ея наслушаться, и когда ребенокъ улыбался, то ей казалось, что Богъ посылаетъ ей въ этомъ свою ласку, чтобы скрасить и сдѣлать счастливой ея одинокую жизнь.

Усадьба была превосходная. Большой домъ, большой паркъ, громадный дворъ съ различными хозяйственными постройками—все это было предоставлено въ распоряженіе Бори и когда ему исполнилось два года и онъ сталъ бѣгать, то его тоненькій, веселый голосокъ сталъ раздаваться то тутъ, то тамъ. И довольная своей судьбой, бабушка поднимала къ небу глаза, складывала руки на груди крестомъ и благоговѣнно произносила:

— Слава тебѣ, Господи!.. Благодарю Тебя, что Ты утѣшилъ меня хоть подь конецъ!

Вскормившая мальчика, Настасья Ивановна, теперь уже став-

шая своимъ человѣкомъ въ семьѣ, тоже привязалась къ Борѣ всей душой и ей показалось-бы теперь страннымъ, если-бы ей вдругъ отказали отъ мѣста или лишили общенія съ ребенкомъ.

Къ концу второго года Боря захворалъ скарлатиной, но перенесъ ее хорошо. Послѣ болѣзни у него осталась блѣдность, которая смущала и бабушку, и няню, и послѣ долгихъ совѣщаній и разговоровъ онѣ рѣшили наконецъ отправиться за границу, на морскія купанья, гдѣ ихъ Боря будетъ цѣлые дни проводить подъ солнцемъ и рыться въ соленомъ, тепломъ пескѣ.

— Тамъ ему будетъ лучше, говорила бабушка.—Сейчасъ—августъ, скоро у насъ начнутся холода и дожди, а тамъ теперь—тепло и хорошо. Мы поѣдемъ туда, гдѣ теперь теплѣе и поменьше дѣтей... А то будетъ тѣсно!..

Бабушка любила когда-то путешествовать. Она не бывала за границей уже двадцать лѣтъ и теперь, собираясь туда, чувствовала, что молодѣла. И когда, наконецъ, онѣ сѣли въ вагонъ и тронулись съ мѣста, то ей показалось, что съ ея плечъ сразу свалились эти двадцать лѣтъ. Какъ малый ребенокъ, она глядѣла изъ окна на будки, телеграфные столбы, поля и лѣса и ей чудилось, что она начала жить вновь и что самая жизнь прибрѣла для нея теперь новый смыслъ. Настасья Ивановна тоже

была довольна. Маленькій Боря бѣгалъ по вагону съ веселымъ щелканиемъ и заглядывалъ къ другимъ пассажирамъ въ купе. Но всѣмъ нравилась его кудрявая головка, какъ у рафаэлевскаго херувима, и скоро онъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ.

— Пусть бѣгаетъ! думала бабушка.—Только бы не плакалъ и не мѣшалъ другимъ! Дорога еще далека!

Въ томъ-же вагонѣ, въ сосѣднемъ купе, и тоже на морскія купанья, ѣхала одна русская дама, молодая вдова, которую звали Анна Павловна. Она везла съ собой няню, обрусѣвшую нѣмку Эльзу, и дочь—дѣвочку около года. Общность интересовъ сблизила ее и бабушку и онѣ ѣхали вмѣстѣ и уже мечтали о томъ, какъ встрѣтятся еще не разъ за границей и какъ будутъ потомъ продолжать знакомство и по возвращеніи въ Россію. Но онѣ ѣхали въ разные мѣста и послѣ Берлина пути ихъ разошлись. Бабушка съ Борей отправились во Францію и поселились тамъ въ Бретани, въ рыбацкѣй деревушкѣ на берегу Атлантическаго океана, а Анна Павловна свернула на Нѣмецкое море, къ Гамбургу, и остановилась тамъ въ приморскомъ курортѣ Бленгеймѣ. Она сняла тамъ двѣ комнаты въ гостинницѣ, приготовилась было прожить въ нихъ до сентября, но это ей не удалось:

съ перваго же дня задулъ рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ, потянулись по небу сѣрые облака и полилъ дождь, который не прекращался уже цѣлыя двѣ недѣли. Море волновалось, было тоже сѣрое, и шумными, непривѣтными волнами набѣгало на берегъ. Шумѣли деревья и въ гостинницѣ было такъ холодно, что никакъ нельзя было согрѣться. Всѣ постояльцы сразу какъ-то разѣхались и курортъ опустѣлъ. Стало скучно. Играла музыка, но ее не слушалъ никто, и казалось страннымъ, что она играла. По вечерамъ въ паркѣ горѣло электричество и круглые шары фонарей казались мутными пятнами сквозь частую сѣтку дождя.

— Нѣтъ, Эльза, обращалась не разъ Анна Павловна къ своей нянѣ,—напрасно мы съ тобой сюда пріѣхали! Сидѣть бы намъ дома, въ Россіи: стоило-ли ѣхать такъ далеко!

Но Эльзѣ нравилось за границей ей было пріятно, что всюду говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ, и ей не хотѣлось такъ скоро возвращаться домой.

— Знаете, что, сударыня? предложила она однажды своей хозяйкѣ.—Поѣдемте во Францію! Тамъ навѣрное тепло и свѣтитъ солнце! Навѣрное, мы тамъ встрѣтимъ и ту старую барыню съ Борей, которая ѣхала съ нами въ одномъ вагонѣ до Берлина!..

Аннѣ Павловнѣ уже и самой давно хотѣлось уѣхать изъ Бленгейма. Она ухватилась за это предложеніе Эльзы, принялась за упаковку вещей и на слѣдующій день обѣ онѣ уже стояли съ дѣвочкой на рукахъ въ Гамбургѣ на палубѣ большого океанскаго парохода и приготовлялись ѣхать въ Бретань. Все было для нихъ ново: и этотъ пароходъ, въ которомъ было столько простора, и шумная гавань и предстоящее имъ большое путешествіе на югъ. И когда наконецъ пароходъ тяжело отвалилъ отъ берега и онѣ закачались по волнамъ и вдаль на долго исчезла для нихъ въ туманѣ Европа, то имъ показалось это интереснымъ и въ то же время страннымъ и захотѣлось жить. Звонили къ завтраку и къ обѣду, по вечерамъ въ громадномъ салонѣ парохода игралъ оркестръ, дни проходили за днями и когда пароходъ наконецъ миновалъ Ла-Маншъ и въ далекой синевѣ моря показались берега Англій, то Аннѣ Павловнѣ стало грустно, что скоро она должна была пріѣхать на мѣсто и сойти на берегъ.

— „Хорошо-бы такъ все плыть и плыть безъ конца...“ думала она и съ удовольствіемъ поглядывала и на свою дочь.

Ея дѣвочка стала замѣтно поправляться. Свѣтило ласковое солнце, было въ этихъ мѣстахъ уже тепло, бирюзовое море пле-

скалось по сторонамъ и было такъ тихо, что не хотѣлось спускаться съ палубы внизъ и уходить къ въ каюту. Теплый, нѣжный вѣтерокъ дулъ съ океана и ласкалъ щеки. То и дѣло изъ воды выскакивали дельфины и, перевернувшись въ воздухъ, снова исчезали въ глубинѣ.

Но вотъ уже и берега Бретани. Еще одна ночь и пароходъ остановится въ Брестѣ; а потомъ Анна Павловна сядетъ въ поѣздъ и отправится въ ту именно деревушку, въ которой поселились бабушка съ Настасьей Ивановной и Борей.

— Воображаю, какъ онѣ удивятся! сказала Анна Павловна Эльзѣ.—Они даже и не думаютъ, что мы ѣдемъ къ нимъ!

Наступаетъ вечеръ. Свѣтитъ луна. Пароходъ плыветъ по океану и оставляетъ позади себя длинный слѣдъ, похожій на расплавленное серебро. Вдалекѣ виднѣются берега, блестятъ на нихъ дальній маякъ, какъ воткнутый въ темный бархатъ брилліантъ, но затѣмъ исчезаютъ и они, и пароходъ снова выходитъ въ открытое море и качается по его волнамъ. Бьетъ одиннадцать часовъ и всѣ пассажиры спускаются внизъ и расходятся по каютамъ до утра.

Завтра утромъ они прибудутъ уже въ Брестъ.

Анна Павловна тоже спускается съ ребенкомъ и съ няней внизъ и ложится спать.

И вдругъ она слышитъ среди ночи стукъ къ себѣ въ каюту.

— Вставайте! Вставайте! кто-то кричитъ къ ней черезъ дверь. — Спасайтесь!

Она не понимаетъ ничего, что-то удерживають ее на койкѣ и она не можетъ двинуться. Какая-то истома разлилась по всѣмъ ея членамъ и ей трудно шевельнуться и поднять голову. Но она дѣлаетъ надъ собой усиліе и приподнимается. Вся ея каюта наполнена дымомъ, но ей кажется, что это она видитъ страшный сонъ, и она начинаетъ протирать глаза. Ихъ рѣжетъ ѣдкій, удушливый дымъ.

— Вставайте! Вставайте! слышится все тотъ-же голосъ.

Она вскакиваетъ, бросается къ ребенку и къ Эльзѣ и будитъ ихъ. Эльза едва можетъ поднять голову, отяжелѣвшую отъ дыма. Маленькая дѣвочка плачетъ.

Надъ головой раздаются топанье сотенъ ногъ, бряцанье цѣпей, шипѣніе воды,

Слышатся жалобные голоса. Надъ ревомъ волнъ, бьющихъ въ бока парохода и разлетающихся вдребезги, раздаются свистки команды и звонъ сигнальнаго колокола. Все еще протирая глаза отъ ѣдкаго дыма, наполнившаго пароходъ, Анна Павловна хватаетъ дѣвочку и бѣжитъ съ нею на палубу. Странное зрѣлище представляется ея глазамъ. Около трехсотъ человѣкъ испуганныхъ пас-

сажировъ толпятся у бортовъ,— все больше женщины съ обнаженными головами и всѣ со слѣдами поспѣшнаго одѣванія. Изъ одного изъ люковъ вырывается густой столбъ дыма и клубами стелется по пароходу. Освѣщаемая языками пламени, вырывающагося изъ другихъ люковъ, линія одѣтыхъ въ синее матросовъ качаетъ помпы и вода тонкими струями поливаетъ огонь. Паровая машина открыла свои краны и вода хлынула въ нѣдра парохода, но пламя все растеть и растеть и нѣтъ больше силъ его унять. Громкія слова команды капитана раздаются отъ времени до времени надъ воющимъ вѣтромъ и надъ бѣснующимися волнами, которыя бьютъ въ борта, точно желая сцѣпиться съ огнемъ. Дрожа съ головы до ногъ, крѣпко прижавъ къ себѣ ребенка, Анна Павловна подходит къ группѣ мужчинъ, угрюмо стоящихъ въ сторонѣ, и спрашиваетъ ихъ:

— Что случилось? Что это за дымъ и за огонь?

Они смотрятъ на ея искаженное страхомъ лицо и говорятъ:

— Развѣ не видите? Это пожаръ! Горитъ нашъ пароходъ! Къ тому-же неожиданно разыгралась буря и нельзя спускать лодокъ въ море. Но вы не бойтесь... Все обойдется благополучно и къ утру мы приѣдемъ въ Брестъ.

Проходятъ минуты, которыя ка-

жуются годами, мракъ окрашивается теперь уже сильнымъ краснымъ заревомъ и голоса людей, звонъ колокола, шипѣніе пара и воды и ревъ волнъ смѣшиваются въ одинъ общій гулъ. Анна Павловна стоитъ, прижавшись къ рубкѣ и крѣпко обхвативъ свое дитя, и дрожить. Могучій винтъ медленно, но непоколебимо тянетъ пароходъ все впередъ и впередъ, а затѣмъ, когда люди и машины начинаютъ уже выбиваться изъ силъ и не могутъ уже сдерживать огня, — вдругъ слышатся вопли, раздаются команда о шлюпкахъ и, какъ обезумѣвшее стадо, всѣ пассажиры бросаются къ бортамъ, давятъ другъ друга, наступаютъ на ноги, расталкиваютъ локтями, и каждый начинаетъ думать только о себѣ.

— Спасайтесь! Спасайтесь!

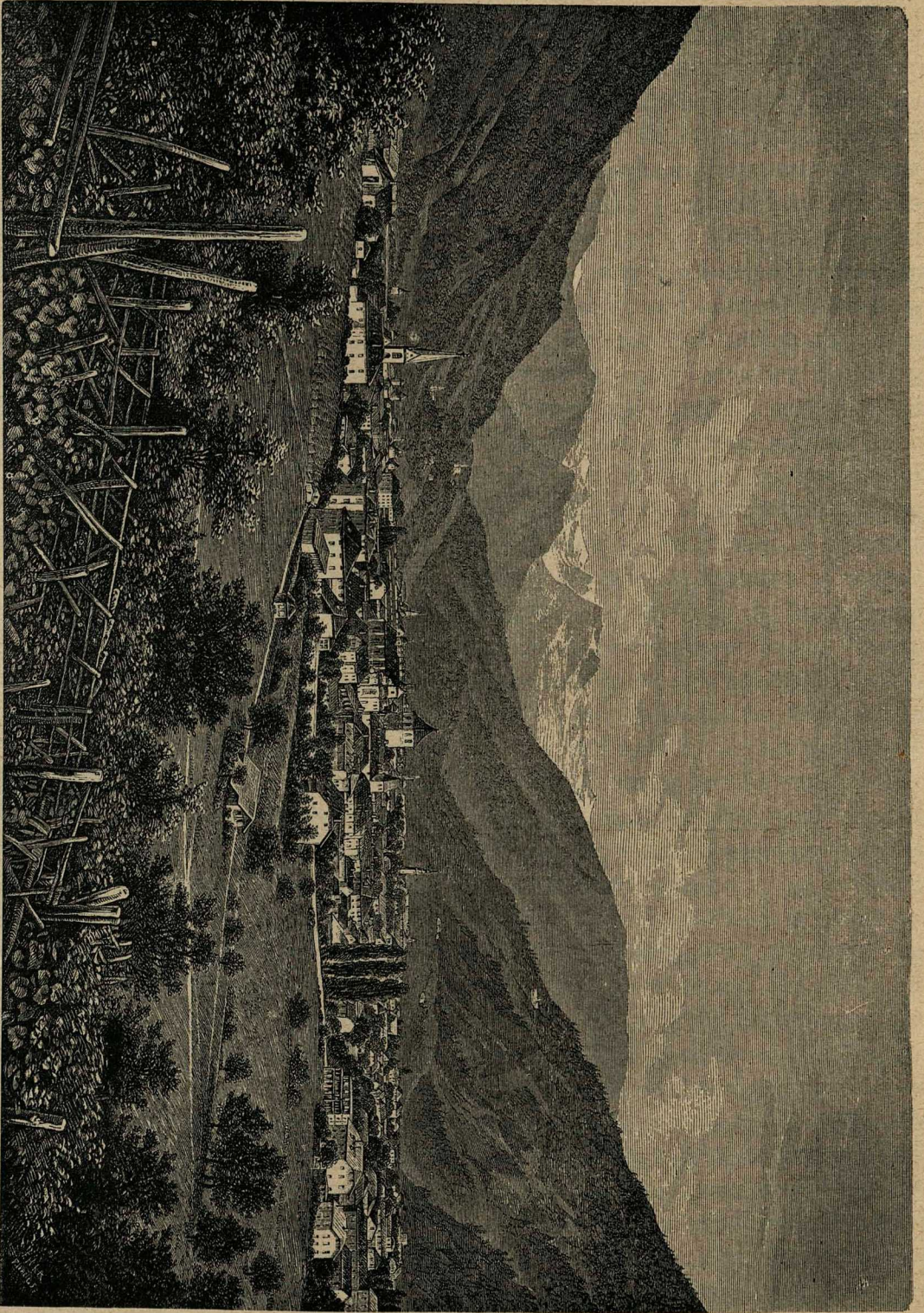
Шлюпки въ полномъ порядкѣ. Онѣ готовы вмѣстить въ себя почти всѣхъ пассажировъ, но такъ какъ море разволновалось настолько, что вкатывается прямо на пароходъ, то не остается уже ни времени, ни способа распоряжаться теперь уже потерявшими голову пассажирами. Они бросаются въ шлюпки, переполняют ихъ сверхъ мѣры, спускаются на воду и исчезаютъ въ глубинѣ ночи. Густыя тучи ползутъ по небу и луна уже не свѣтитъ. Анна Павловна напрягаетъ зрѣніе, чтобы ихъ увидѣть, но ихъ не видно совсѣмъ. Полная ужаса, она подбѣ-

гаетъ къ послѣдней лодкѣ, хочетъ въ нее вскочить, но обезумѣвшая толпа отталкиваетъ ее и она остается на пароходѣ одна.

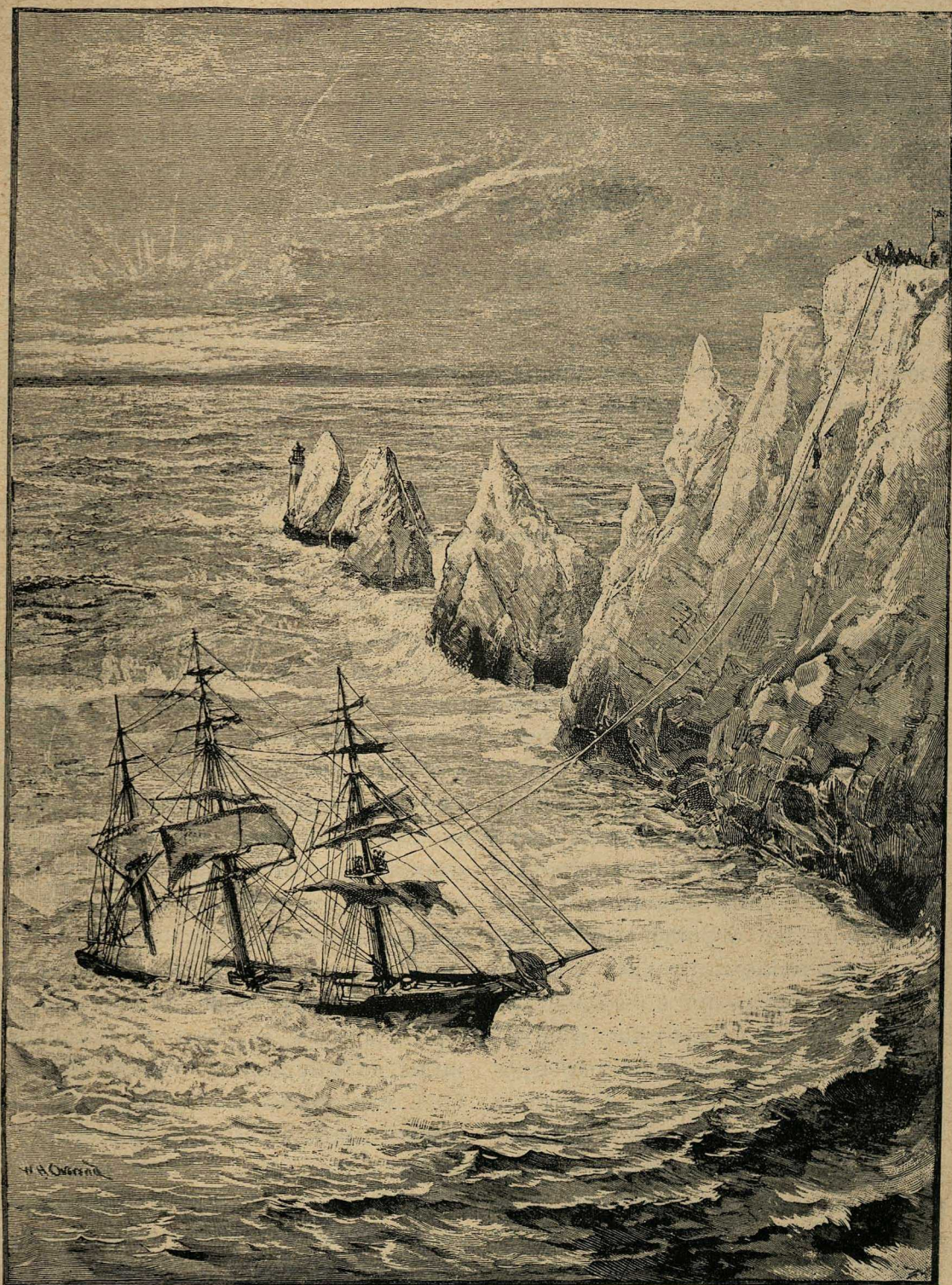
— Эльза! Эльза! — кричитъ она.

Но ей не отвѣчаетъ никто.

Тогда она быстро разстегиваетъ на себѣ воротникъ, снимаетъ съ себя жемчужное ожерелье и такъ же быстро надѣваетъ его на свою дочь. Затѣмъ, крѣпко прижавъ ее къ себѣ, она цѣлуетъ ее въ обѣ щеки и въ глаза, отходитъ къ сторонѣ и падаетъ безъ чувствъ... Вокругъ нея клубами вьется дымъ и вырываются изъ люковъ языки пламени, которыхъ не тушить уже никто. А затѣмъ на пароходѣ все смолкаетъ. Людей уже нѣтъ: и пассажиры, и команда покинули его и она на всей палубѣ осталась одна. О ней забыли. Она лежитъ у рубки безъ чувствъ. Около нея лежитъ ея ребенокъ и плачетъ. На его шеѣ — жемчужное ожерелье. Быть можетъ, когда-нибудь оно ребенку пригодится. Оно стоитъ цѣлыя тысячи рублей и мать нарочно сняла его съ себя и надѣла его на дочь, чтобы, въ случаѣ разлуки, ея дочь не осталась ни съ чѣмъ. Она — вдова, ея дочь — сирота и безъ нея о ребенкѣ не позаботится никто. Быть можетъ, кто-нибудь воспитаетъ ея дочь за это ожерелье. Внизу въ каютѣ лежитъ на койкѣ Эльза и, угорѣвшая отъ дыма, готовится заснуть вѣчнымъ непробуднымъ сномъ.

Торорокъ въ Швейцаріи.

Гибель судна у береговъ Бретани во Франци.

Она не слышитъ и не чувствуетъ ничего.

А когда наступаетъ разсвѣтъ и на горизонтѣ снова появляются красноватыя очертанія Бретани, то море успокаивается и надъ его сѣрой поверхностью съ жалобнымъ крикомъ начинаютъ кружиться чайки. Онѣ летаютъ надъ тѣмъ мѣстомъ, на которомъ только недавно погибъ пароходъ, и подбираютъ остатки ѣды, всплывшіе на поверхность. А потомъ восходитъ радостное, веселое солнце, природа сразу оживаетъ и все кругомъ пріобрѣтаетъ такой видъ, точно ничего и не произошло.

Пріѣхавъ въ Бретань, бабушка, Настасья Ивановна и Боря поселились въ живописной рыбацкѣй деревушкѣ, на берегу Атлантическаго Океана и лучшаго ничего и не желали. Домикъ, который онѣ сняли, былъ весь въ розахъ, было тепло и все время свѣтило ласковое, южное солнце. Цѣлые дни они проводили на берегу, гдѣ Боря рылся въ тепломъ пескѣ, бѣгалъ голыми ножками по соленымъ лужицамъ и сразу загорѣлъ и похорошѣлъ. Все время бабушка проводила около него. Пока Настасья Ивановна, которая здѣсь исполняла роль хозяйки, была занята въ домикѣ уборкой и приготовленіемъ ѣды, старушка сидѣла съ книгой на берегу, читала, или-же, приложивъ къ глазамъ лорнетъ,

долго смотрѣла на бѣлѣвшіеся паруса или на дымокъ парохода, который показывался на горизонтѣ. Около нея бѣгалъ ея Боря, въ купальномъ полосатенькомъ костюмчикѣ, съ голыми загорѣвшими ручками, ножками и шеей— и этого было съ нея довольно и наполняло ей жизнь. Устроивъ все въ домикѣ, къ нимъ выходила няня Настасья Ивановна, усаживалась около нихъ на камень и тоже долго смотрѣла на лазурное море.

— Благодать-то, благодать-то здѣсь какая! Говорила она всякій разъ.—Такъ-бы тутъ всю жизнь до самой смерти и просидѣлъ!

Затѣмъ, въ полдень, они шли домой обѣдать. Послѣ обѣда они снова выходили къ морю, потомъ къ вечеру возвращались домой и эта тихая жизнь, въ глуши, на берегу океана, нравилась имъ и не казалась имъ скучной и однообразной. Онѣ перезнакомились со всѣми рыбаками, рыбацки часто подхватывали Борю на руки и любовались имъ и не обходилось ни одной рыбной ловли, чтобы при сборахъ на нее не участвовали и бабушка со своей семьей. Онѣ выходили на берегъ, привѣтливо провожали рыбаковъ въ море и такъ-же привѣтливо встречали ихъ, когда они возвращались обратно съ ловли съ цѣлыми корзинами рыбы и омаровъ.

— Добрый день, графиня!—при-

вѣтствовали они бабушку, почему-то называя ее графиней.—Какъ поживаетъ маленькій херувимъ?

А этотъ „херувимъ“—Боря вѣтлся тутъ-же около нихъ, они хватили его пахнувшими рыбной сыростью руками, поднимали его кверху и онъ переходилъ затѣмъ отъ одного рыбака къ другому.

Это нравилось бабушкѣ и она не мѣшала имъ по своему ласкать ея любимца.

Однажды она проснулась среди ночи отъ воя непогоды. Шумѣли деревья, хлопали ставни, гудѣлъ вѣтеръ и ревѣло море. Она выглянула въ окошко, но въ ночной темнотѣ не могла ничего разобратъ, затворила ставни и еще долго не могла уснуть. Буря продолжалась всю ночь. Ничто не предсказывало ее наканунѣ съ вечера и для старушки было странно, что такъ сразу, скоро все случилось. А когда она проснулась утромъ, то опять все было тихо, свѣтило солнце и только море все еще волновалось, не успѣвъ успокоиться за ночь.

„Какъ все здѣсь скоро!“ подумала она.

— Затѣмъ всѣ они по обыкновенію вышли на берегъ гулять.

Было тепло и надъ бирюзовой поверхностью моря, подъ темно-голубымъ небомъ Бретани, летали чайки и какъ-то особенно сверкали своими бѣлоснѣжными крыльями. Вдалекѣ, влѣво, у самой воды,

стояла кучка рыбаковъ и рыбачекъ, они размахивали руками и о чемъ-то громко кричали. При первомъ же взглядѣ на нихъ старушка поняла, что тамъ случилось что-то необычное, и направилась къ нимъ.

— Здравствуйте!..— сказала она.—О чемъ это вы?.. Что случилось? Въ чемъ дѣло?

Рыбаки разступились передъ ней и сняли шляпы. Женщины сдѣлали передъ нею реверансъ.

— Да вотъ несчастье графиня!— отвѣтилъ ей старшій изъ рыбаковъ.— Прибило къ берегу ребенка!..

Бабушка вздрогнула и прошла черезъ толпу. На берегу, на самомъ пескѣ, дѣйствительно лежалъ маленькій ребенокъ съ закрытыми глазами и набѣгавшія волны обливали его одна за другой своей соленою водой. Она наклонилась надъ нимъ и взяла его на руки.

— Что-же вы стоите?—спросила она.—Если онъ живъ, то его необходимо обогрѣть!

— Это вѣрно, графиня!..—отвѣтили они ей и имъ стало неловко.— Но кому же охота брать къ себѣ чужого ребенка, когда до полиціи отсюда такъ далеко?

Она нахмурила брови и смолчала. Отойдя затѣмъ отъ берега и положивъ ребенка на траву, она приняла всѣ мѣры, чтобы привести его въ себя, а всѣ эти рыбаки и рыбачки, наивные, какъ дѣти,

стояли вокругъ нея кольцомъ и съ захватывающимъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что будетъ дальше.

Скоро ребенокъ открылъ глаза и сталъ сильно кашлять. Тогда, внѣ себя отъ радости, бабушка побѣжала къ себѣ домой и стала его растирать и согрѣвать. Настасья Ивановна помогала ей и когда онѣ добились наконецъ своего и ребенокъ заплакалъ во весь свой голосъ, то этотъ его крикъ показался имъ прекраснѣйшимъ пѣніемъ и наполнилъ ихъ души надеждой. Ребенокъ оказался дѣвочкой.

— Милая моя, сироточка ты моя горемычная! причитала надъ нею Настасья Ивановна. — Чья ты? Откуда тебя къ намъ сюда занесло?

Но бабушка ужъ догадывалась, что вѣроятно ночью было въ морѣ кораблекрушеніе и что эта дѣвочка, навѣрное, была единственнымъ лицомъ, которое осталось въ живыхъ. А что дѣвочка эта была дочерью какихъ-нибудь очень зажиточныхъ родителей, то въ этомъ бабушка не сомнѣвалась ни одной минуты, такъ какъ, раздѣвая ее, нашла у нея на шеѣ дорогое, жемчужное ожерелье.

Быстрымъ движеніемъ, но такъ, чтобы не замѣтилъ никто, она сняла его съ ребенка и спрятала къ себѣ въ комодъ.

„Пусть не узнаетъ никто, пусть не догадается и она сама, когда вырастетъ большая“, рѣшила она, —

„что она — для меня чужая и подбрана мною на берегу!“

И въ тотъ-же день она пригласила къ себѣ представителя полиціи, объявила ему, что беретъ ребенка на воспитаніе себѣ, и тотчасъ-же уѣхала съ нимъ въ Парижъ, чтобы въ русскомъ посольствѣ устроить все дѣло такъ, какъ того требовали русскіе законы. Рыбаки и рыбацки провожали ее и своего „херувима“ съ пожеланіями счастливаго пути и еще долго она и Настасья Ивановна слышали, какъ позади нихъ раздавались ихъ громкіе, добродушные голоса:

— До скората, свиданія! Счастливаго пути! Да здравствуетъ графиня!

Двѣ недѣли спустя, бабушка и Настасья Ивановна были уже въ Россіи. Когда онѣ вѣзжали въ свою усадьбу, то было холодно и шелъ дождь. Ихъ дома не ждали. Стояла глубокая осень, съ печальнымъ шумомъ обнажались деревья, но бабушка была довольна, что добралась наконецъ до родного гнѣзда, и съ самоотверженіемъ принялась за воспитаніе своихъ двухъ дѣтей. Дѣвочку назвали Ксеніей, или по просту — Кисей, и теперь Настасья Ивановна расхаживала съ ней по всему дому и пѣла ей пѣсни, а Боря бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ и громко кричалъ. И прислушиваясь къ ихъ голосамъ, старушка чувствовала себя на

седьмомъ небѣ и, какъ и прежде, поднимала глаза кверху и съ благоговѣніемъ произносила:—

— Слава тебѣ, Господи!.. Благодарю Тебя, что Ты пожалѣлъ меня подѣ старость!

Старушка была довольна, что жизнь повернулась для нея назадъ, что она помолодѣла душою сразу на десятки лѣтъ, и что въ лицѣ этихъ Бори и Киси Господь послалъ ей новыхъ сына и дочь, которыхъ она когда-то лишилась еще въ молодости лѣтъ и не надѣялась больше имѣть никогда. И боясь отогнать отъ себя свои счастливыя мечты, она заботливо укладывала мальчика и дѣвочку въ постельки сама, ревниво оберегала ихъ покой и, сѣвши около нихъ, долго смотрѣла то на него, то на нее, и все старалась и никакъ не могла припомнить, гдѣ и когда она видѣла точно такое-же лицо, какъ у Киси, до того оно казалось ей знакомымъ. А затѣмъ уже потекли дни за днями, потянулася зима, за ней настали весна и лѣто и въ воспитаніи дѣтей незамѣтно промелькнули восемь лѣтъ. Теперь Борѣ было уже десять лѣтъ, Кисѣ пошелъ девятый и они жили, какъ братъ и сестра, и совершенно даже и не знали, что они — чужіе. Наступало время учиться и для бабушки возникалъ серьезный вопросъ, какъ быть съ ученьемъ Бори? Иногда къ ней въ усадьбу наѣзжалъ отецъ Бори—Николай Сер-

гѣичъ, бабушка признавала за нимъ его отеческія права надъ сыномъ и ожидала отъ него рѣшенія волновавшаго ее вопроса. Но онъ все медлилъ, не останавливался ни на чемъ, и она стала бояться, какъ-бы онъ не отобралъ отъ нея его совсѣмъ. Часто она вставала по ночамъ съ постели и долго молилась о томъ, чтобы Боря остался при ней, хотя и сознавала, что это невозможно.

И вдругъ отъ Николая Сергѣевича ей пришло письмо. Онъ извѣщалъ ее, что утомившись жить одиноко, онъ рѣшилъ наконецъ жениться и взялъ за себя одну вдову, которая, какъ онъ надѣется, замѣнитъ его Борѣ родную мать.

Бабушка выронила изъ рукъ письмо, опустила въ кресло и долго не могла придти въ себя.

— Все кончено! произнесла она упавшимъ голосомъ.—Все конечно!—Если теперь Николай захочетъ отобрать отъ меня своего Бориса, то-кто знаетъ?—будетъ-ли мальчикъ счастливѣе отъ того, что у него теперь есть какая-то новая неизвѣстная мать?

И она вытащила изъ кармана платокъ и поднесла его къ своимъ глазамъ.

Недѣлю спустя, Николай Сергѣевичъ прислалъ ей второе письмо, въ которомъ писалъ, что его жена Анна Павловна шлетъ ей свой привѣтъ и очень желала-бы познакомиться съ Борей и подру-

житься со своимъ новымъ сыномъ, о которомъ слышала такъ много хорошаго отъ его отца и котораго привыкла любить уже заочно.

Теперь для бабушки не остава-

лось больше ничего. Она должна была собрать Борю въ путь и отвезти его къ его отцу.

И съ болью сердца она принялась за сборы.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАБЛУДИЛСЯ.

Изъ жизни стада.

Онъ стоялъ въ высокой травѣ среди бѣлыхъ цвѣточковъ, самъ черненькій, стройный, съ большими удивленными глазами и съ маленькими бугорками на лбу, показывавшими тѣ мѣста, на которыхъ впоследствии должны были появиться рожки. Онъ увлекся сочной травой, отсталъ отъ своего стада и теперь не зналъ, что дѣлать. Онъ жалобно звалъ къ себѣ свою мать, но стадо отошло уже далеко, крики овецъ доносились до него все слабѣе и слабѣе, пока наконецъ не смолкли совсемъ и все стадо не скрылось за далекимъ холмомъ.

Барашекъ остался одинъ.

Онъ совершенно не понималъ, какъ могъ отдѣлиться отъ стада и потерять изъ виду свою мать? Онъ помнилъ, что большая собака-овчарка, одна изъ тѣхъ, которыя охраняютъ овецъ и наблюдаютъ за порядкомъ въ стадѣ, бросилась съ громкимъ лаемъ на заднихъ,

оставшихъ овецъ и стала гнать ихъ въ общую массу. Овцы испугались ея, заметались въ страхѣ въ разныя стороны, на помощь одной собакѣ подоспѣли другія, — и скоро въ стадѣ былъ возстановленъ прежній порядокъ, но маленькій барашекъ отдѣлился отъ него, вспрыгнулъ въ испугѣ на каменную ограду, отдѣлявшую дорогу отъ чьего-то сада, соскочилъ затѣмъ въ садъ и долго стоялъ среди сочной, высокой травы и бѣлыхъ цвѣтовъ. Издавая жалобное блелье, онъ звалъ къ себѣ свою мать и, понявъ наконецъ, въ чемъ дѣло, сталъ бѣгать взадъ и впередъ вдоль стѣны и отыскивать въ ней выходъ. Вдалекѣ еще слышались удалявшіеся голоса овецъ, но его уже не слыхалъ никто, его мать не понимала вовсе счета, было-ли у нея только два ягненка, или одинъ, и была вполне удовлетворена тѣмъ, что около нея оставался еще другой ея ягненокъ и когда

пропавшаго хватился самъ пастухъ, то все стадо было уже далеко, наступалъ вечеръ и возвращаться за такимъ пустякомъ, какъ онъ, было уже невозможно.

Такъ барашекъ и остался безъ матери одинъ, покинутый на произволь судьбы, и предоставленный самому себѣ. Ему хотѣлось пить и ѣсть, но онъ былъ слишкомъ еще малъ, чтобы самому приняться за траву, и чувствовалъ себя среди нея, какъ въ голой пустынѣ. Ему было холодно, потому что дулъ рѣзкій весенній вѣтеръ, а онъ, маленькій барашекъ, привыкъ согрѣваться между тѣлъ другихъ, взрослыхъ овецъ, которыя окружали его въ стадѣ со всѣхъ сторонъ. Въ довершеніе всего — онъ былъ здѣсь одинъ и это безпокоило его больше всего: овцы — животныя стадныя и его одиночество казалось ему ужаснымъ.

Онъ поднялъ голову и сталъ жалобно звать къ себѣ свою мать. Тоненькимъ, протяжнымъ голосомъ онъ кричалъ ей, но его не слышалъ никто.

— Мама, мама! казалось, кричалъ онъ ей. — Возьми меня, вернись ко мнѣ! Зачѣмъ ты оставила меня одного?..

Накричавшись вдоволь, онъ наконецъ усталъ, смолкъ и покорился своей судьбѣ. Жужжаніе насѣкомыхъ въ травѣ, какъ разъ у самой его мордочки, показалось ему подозрительнымъ и испугало

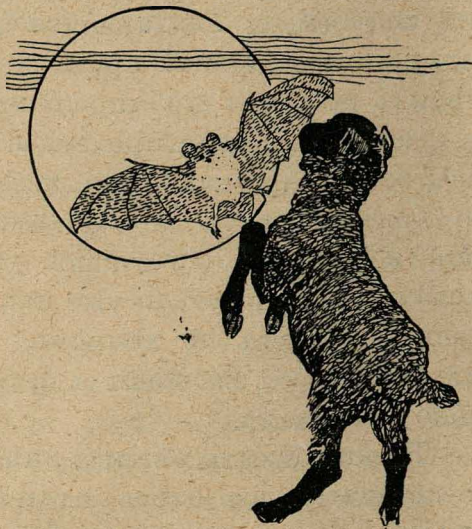
его. Онъ отскочилъ въ сторону, остановился и сталъ поражать задними ногами стебли окружавшихъ его полевыхъ цвѣтовъ и забрасывать ихъ землей. Раздавшійся позади него отдаленный крикъ совы убѣдилъ его, что его кто-то преслѣдуетъ, а когда пролетѣвшая надъ землей летучая мышь задѣла его крыломъ чуть не за самый носъ и сумерки ступились уже настолько, что не стало уже видно вдали деревьевъ и холмовъ, то онъ счелъ себя погибшимъ и жалобно заплакалъ.

— Нужно бѣжать, рѣшилъ онъ. — Не оставаться-же здѣсь на ночь одному!..

И не чувствуя себя отъ страха, дрожа и ступая наудачу, онъ побѣжалъ прочь отъ охватившихъ его ужасовъ одиночества, мрака и тишины, и бѣжалъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ его слабыя ноги не измѣнили ему, и онъ не упалъ въ кустъ широко раскинувшаго свои вѣтви папортника. Онъ обхватили его, точно руками, со всѣхъ сторонъ, онъ испугался ихъ еще болѣе и притихъ. Затѣмъ, истомленный голодомъ и страхомъ, онъ закрылъ глаза, позабылъ о постигшемъ его горѣ и уснулъ.

Ему приснилось громадное стадо, въ которомъ онъ родился и въ которомъ находилась теперь его мать. Тѣсно прижавшись одна къ другой, стояли эти сотни овецъ и молчали. Спускалась тихая ночь.

Робкія, довѣрчивыя, готовыя при малѣйшемъ порохѣ броситься въ сторону, сорваться съ берега въ

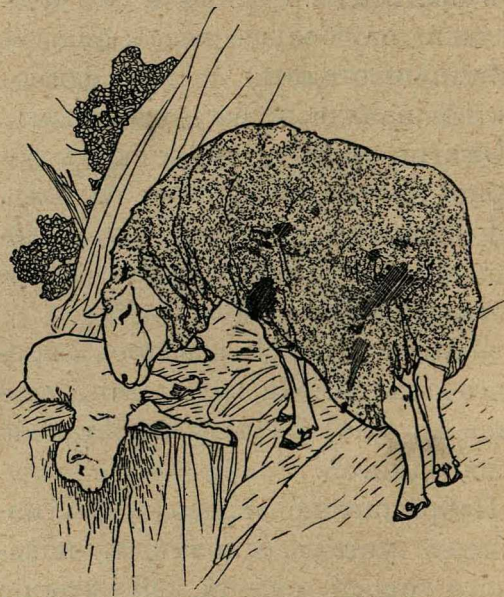
воду и утонуть, онѣ стояли, понуривъ головы, и дожидались утра. Вокругъ тихо ходили овчарки, большія лохматыя собаки съ острыми зубами, и наблюдали за порядкомъ. Если какая-нибудь овца отходила нечаянно отъ стада, то къ ней тотчасъ-же подбѣгала овчарка, лаяла на нее, кусала ее осторожно за ногу и загоняла ее обратно въ стадо. На небѣ мерцали звѣзды и молодой тоненькій мѣсяцъ, круто загнувъ рожки кверху, ласково свѣтилъ съ вышины. Два пастуха сидѣли въ сторонѣ и варили себѣ кашу. По ту сторону рѣки кричали соловьи и какой-то рыболовъ, выбравъ себѣ мѣстечко у рѣки, сидѣлъ съ удочкой и цѣлые часы глядѣлъ на воду. Неслись ото всюду запахи свѣжей, молодой

травы и березовой листвы и въ низинѣ поднимался съдой туманъ и чуть замѣтной, прохладной струей доносился до стада. Было тихо и задремавшему барашку казалось, что въ этой тишинѣ онъ слышитъ голоса знакомыхъ ему пастуховъ.

— А жаль, сказалъ одинъ изъ нихъ,— что потерялся нашъ черненькій барашекъ! Онъ былъ единственнымъ чернымъ изъ всего нашего стада!.. Всѣ овцы у насъ бѣлыя, а онъ вдругъ родился чернымъ!..

— Да, отвѣтилъ другой, — это иногда бываетъ... Вѣроятно, онъ отбился гдѣ-нибудь по пути и теперь ищетъ свою мать!

И, кликнувъ къ себѣ собаку— овчарку, онъ подвелъ ее къ ка-

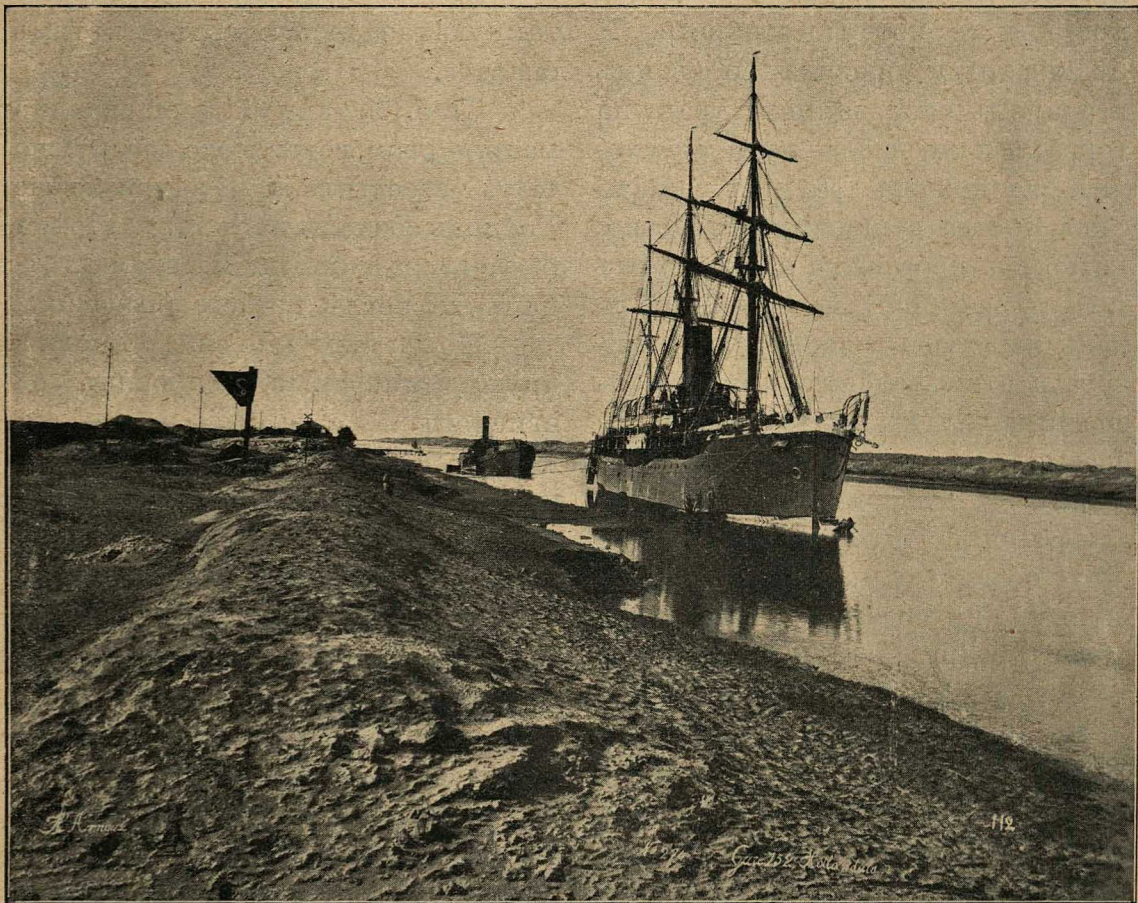
кому-то другому маленькому барашку и сказалъ:

— Ищи, Волчокъ! Ищи такого-

же! Чернаго! Слышишь? Чернаго! Онъ пропалъ!

Умный Волчокъ поглядѣлъ на пастуха, понюхалъ воздухъ, долго соображалъ, въ чемъ дѣло и чего отъ него требовали, и затѣмъ, по-

Ему было пріятно объ этомъ думать и онъ заснулъ еще крѣпче, несмотря на прохладную ночь и на то, что папортникъ попрежнему обнималъ его за шею, казался ему живымъ и пугалъ его.

Суэцкій каналъ въ Египтѣ.

нявъ, бросился по слѣдамъ, которые оставило за собою стадо, и отправился на поиски за пропавшимъ.

— „Теперь онъ меня найдетъ, подумалъ барашекъ во снѣ и погонитъ къ моей матери“...

Невдалекѣ возвышались невысокія, но довольно крутыя горки. Онѣ были покрыты травой и на нихъ паслась одинокая овца, у которой не было хозяина. Она принадлежала одной старушкѣ—вдовѣ, но старушка эта недѣлю

тому назадъ умерла, родного у нея не оказалось никого,— и теперь эта овца не принадлежала никому. Никто не хотѣлъ брать ее себѣ, боясь, какъ-бы не нашелся кто-нибудь другой, кто имѣеть на нее большее право, и могъ-бы ее потомъ отобрать. И бѣдная овца бродила со своимъ ягненкомъ одна, щипала траву на горкахъ и не знала, куда ей уходить на ночлегъ. До нея доносились иногда крики другихъ овецъ, которыхъ прогоняли недалеко отъ нея съ пастбища на пастбище и, какъ животное стадное, она завидовала этимъ овцамъ, хотѣла присоединиться къ нимъ вмѣстѣ со своимъ ягненкомъ и такъ-же, какъ и онѣ, съ жалобнымъ блеяньемъ двигаться общей массой, подъ охраною собакъ и пастуховъ, жить общими интересами, покориться общей волѣ и затеряться среди сотенъ себѣ подобныхъ безвольныхъ, но кроткихъ существъ.

— „Счастливыя! думала она о нихъ.— Онѣ живутъ въ стадѣ, а я одна... Теперь я должна ходить, куда захочу, а тогда-бы я шла, куда брели-бы и всѣ... Если-бы мы испугались, то испугались-бы сразу всѣ и бросились-бы въ сторону, а теперь я боюсь одна... Нѣтъ, хорошо не быть одной!

Она паслась у самага края горки и мирно щипала траву, а ея маленькій ягненокъ, которому было всего только два дня отъ рожде-

нія, въ радости жизни прыгаль вокругъ нея, становился на заднія ножки, и ходилъ на нихъ какъ человѣкъ, или-же, упершись передними въ землю, дрыгалъ задними въ воздухѣ.

— Посмотри, мама, какъ я хорошо танцую! казалось, хотѣлъ онъ этимъ сказать.

— Танцуй, танцуй! поощряла его мать.— Твои годы молодые, нужно быть веселымъ... Не даромъ-же Господь создалъ насъ такъ, что мы бѣгаемъ за нашими матерями тотчасъ-же послѣ нашего рожденія..

— Но почему-же не бѣгаютъ другія животныя? спросилъ ее ягненокъ.

— Имъ этого не нужно! Они живутъ въ одиночку и каждое изъ нихъ имѣеть свою берлогу, нору или гнѣздо, гдѣ можетъ выкармливать своихъ дѣтенышей, до тѣхъ поръ, пока они не окрѣпнутъ и не стануть на ноги... Мы-же овцы— животныя стадныя и когда стадо движется съ мѣста на мѣсто, что-бы найти себѣ кормъ, то ему уже нѣкогда дожидаться по пути только что родившихся ягнятъ. Вотъ почему Богомъ и устроено такъ, что вы, ягнятки, начинаете бѣгать, прыгать и танцовать тотчасъ-же, какъ появляетесь на свѣтъ.

— Вотъ такъ? спросилъ ягненокъ и, упершись передними ножками о землю, онъ замоталъ задними въ воздухѣ.

Затѣмъ онъ высоко подпрыгнулъ, закружился вокругъ матери и хотѣлъ что-то показать еще очень интересное, но не сообразилъ разстоянія и, сорвавшись съ горки, покатился внизъ. Она хотѣла было ему помочь, загородить его своимъ тѣломъ отъ паденія, но не успѣла, и до нея донесся только глухой звукъ, съ какимъ онъ ударился внизу о камни. Барашекъ два раза тихо простоналъ и смолкъ. Она окликнула его съ высоты, встревожилась, стала его звать, но онъ не откликнулся. Тогда она стала спускаться внизъ. Полная тревоги и отчаянія, она отыскала его и обнюхала его со всѣхъ сторонъ. Онъ лежалъ на боку, свѣсивъ голову внизъ и не двигался. Она лизнула его въ губы. Онъ былъ еще теплый, но для нея уже было ясно, что онъ расшибся на смерть. Тогда она стала около него, опустила голову, и всю ночь проблеяла такъ жалобно, что даже человѣкъ могъ бы издали догадаться, что ее постигло горе.

Медленно и въ полномъ спокойствіи потекли тихіе часы весенней ночи. Молчали холмы и луга. Давно уже отпѣли и умолкли за рѣкой соловьи и замолчали лягушки. Перестали летать жуки. Далеко у лѣса потухъ огонекъ. Молодая луна еще круче загнула рожки и спустилась за горизонтъ. Потянулись волны сизаго тумана, растаяли и

осѣли на траву въ видѣ росы. А затѣмъ небо стало сѣрѣть, на востокъ появилась яркая красная полоса, стали меркнуть и гаснуть одна за другой звѣзды и вдругъ все снова оживило: защелкали соловьи, закричали лягушки, залетали бабочки и жуки и лучи солнца прыснули на всю природу изъ-за розовыхъ облачковъ и заиграли въ алмазной росѣ и на жемчужныхъ клубкахъ еще не успѣвшего разсѣяться тумана.

Настало утро. Овца все еще стояла у трупа своего погибшаго ягненка и жалобно блеяла. Теперь, при свѣтѣ, она заглянула ему въ стеклянные, безжизненные глаза и испугалась. Вытянувъ ножки и свѣсивъ голову, онъ весь окоченѣлъ и назойливыя мухи уже вились около его глазъ и губъ. Овца отбѣжала отъ него въ сторону, отвернулась отъ этого призрака смерти и жалобно и протяжно закричала. Нѣтъ! Это не ея сынъ, это кто-то другой; она уже больше не узнаетъ его и онъ наводитъ на нее страхъ. Ея ягненокъ былъ рѣзвымъ, живымъ, веселымъ существомъ, а этотъ лежитъ, не двигается и не хочетъ узнавать свою мать! И все еще не вѣря своимъ глазамъ и своему чутью, она въ страхѣ отбѣжала отъ него еще дальше, взобралась на горку и закричала:—

— Сынъ! Сынокъ! Гдѣ ты? Отзовись! Иди скорѣе ко мнѣ!

И ей въ отвѣтъ откуда-то снизу,

изъ высокой травы, раздался чей-то тоненькій, радостный голосокъ: —

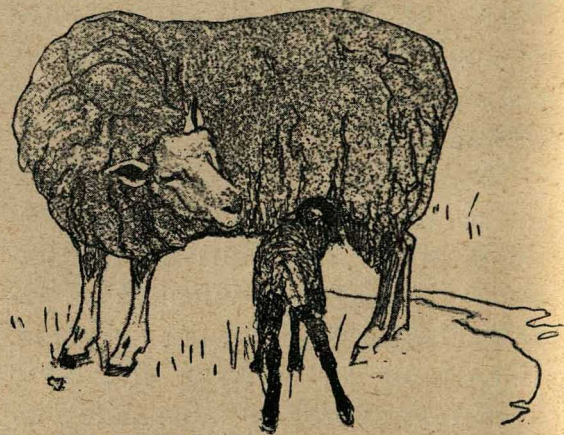

— Я здѣсь, мама! Здѣсь! Я сейчасъ къ тебѣ прибѣгу!

И вскочивъ на свои стройныя, тоненькія ножки, черненькій барашекъ бросился къ ней навстрѣчу и радостно закричалъ. Заслышавъ его крикъ, она позабыла о трупѣ и, тоже радостно заблеявъ, побѣжала къ нему. Они увидели другъ друга еще издали, остановились, снова закричали, и снова побѣжали одинъ къ другой навстрѣчу. Черный барашекъ не вѣрилъ своимъ своимъ глазамъ: неужели къ нему возвратилась его мать? Неужели это она? А она смотрѣла на него, удивлялась, что онъ не бѣлый, а черный, и продолжала его звать къ себѣ.

Но вотъ онъ уже близко. Вотъ онъ уже около нея. Онъ подбѣгаетъ къ ней, разыскиваетъ ея вымя,

припадаетъ къ нему жадными, запекшимися устами и начинаетъ сосать ея молоко. Какъ только она чувствуетъ прикосновеніе къ ея вымени его теплыхъ губъ, она дрожить вся отъ радости, поворачиваетъ къ нему голову и начинаетъ ласково его лизать. Его черный цвѣтъ смущаетъ ее, кажется ей страннымъ и непривычнымъ, но скоро радость беретъ верхъ надъ подозрѣніемъ и наполняетъ ея сердце и когда ягненокъ чувствуетъ затѣмъ насыщеніе и прижимается къ ней своимъ маленькимъ, курчавымъ тѣльцемъ, то она ложится на траву, онъ сворачивается около нея клубочкомъ, и она чувствуетъ себя счастливой. Теперь она будетъ его баловать и защищать. Этотъ ягненокъ, хотя и черный, но онъ ея. Одинъ куда-то ушелъ, а вмѣсто него пришелъ откуда-то чей-то другой, но это ничего. Она этого ни-

какъ не можетъ понять, но принимаетъ этого другого, какъ своего

родного сына, и довольна своей судьбой.

А въ это время, солнце стоитъ уже высоко, весело щебечуть птицы и летаютъ радужныя, и синія стрекозы. Слышенъ издалика звонъ— это звонятъ въ селѣ къ обѣднѣ. Гдѣ-то у опушки лѣса уныло поетъ свирѣль. Овца слышитъ ее, настаживаетъ уши и начинаетъ нюхать воздухъ.

— Мама, ты что? спрашиваетъ ее черный барашекъ.

— Слышишь? свирѣль! отвѣчаетъ она.— Это единственный человѣческій инструментъ, который любятъ овцы!

Черный барашекъ тоже приподнимаетъ ушки.

И вдругъ около нихъ раздается собачій лай. Овца и ягненокъ вскакиваютъ въ испугъ и отбѣгаютъ въ сторону. Но собака подбѣгаетъ къ нимъ, обнюхиваетъ ягненка и его мать и говоритъ:

— Черненькій барашекъ — нашъ, онъ изъ нашего стада, а этой овцы — я что-то не припомню! Но это ничего. Я погоню ихъ обоихъ къ намъ!

Но, зачуйвъ что-то въ сторонѣ, она отбѣгаетъ къ горкѣ, находитъ трупъ бѣлаго барашка, быстро съѣдаетъ его прямо съ шерстью и, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращается къ овцѣ.

— Ну, бѣгите скорѣе передо мной! обращается она къ ней.— А если не побѣжите добровольно, то я буду кусать васъ за ноги и гнать насильно!

Овца побѣжала впередъ, за ней съ бляеньемъ запрыгала барашекъ, а позади всѣхъ бѣжала, оскаливъ зубы и высунувъ языкъ, собака.

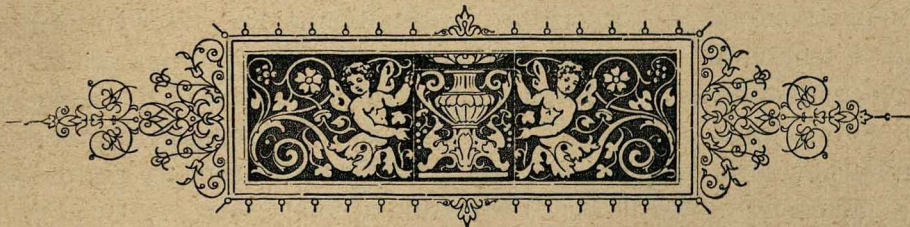
Часъ спустя, они были уже около стада. Завидѣвъ стадо, овца юркнула въ него и вмѣстѣ со своимъ новымъ сыномъ исчезла въ его глубинѣ.

— Ну, вотъ и хорошо! сказали одинъ пастухъ другому.— Вмѣсто одной овцы у насъ стало теперь двѣ! Молодецъ Волчокъ!

И потрепавъ собаку по шеѣ, пастухи отошли въ сторону и сѣли на траву.

А вдалькѣ попрежнему тихо и грустно гудѣла свирѣль.

С. В.

У Т Р О.

За полосой зари румяной
Блеснули солнышка лучи...
Надъ зеленѣющей поляной
Летаютъ черные грачи.

Въ травѣ букашекъ рой проснулся,
Гудить работница—пчела...
Вотъ лѣсъ зеленый улыбнулся,
Свѣжа поляна и свѣтла.

И льютъ цвѣты благоуханье;
На травкѣ искрится роса...
Какъ ярко солнышка сверканье
И какъ прозрачны небеса!

А. Н.

Д В Ѣ С Л Е З Ы.

Въ далекія времена, на самой вершинѣ зеленого холма, возвышался богатый замокъ Рипмондъ. Онъ былъ защищенъ со всѣхъ сторонъ грозными зубчатыми башнями и стѣнами и глубокіе рвы, наполненные водой, опоясывали его кругомъ. Въ этомъ замкѣ жили храбрый и богатый рыцарь графъ Виталь и его жена графиня Алиса, отличавшаяся добротой. Съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ родилась ихъ единственная дочь, которую они назвали Элеонорой, они считали себя счастливыми и не желали ничего.

Но по мѣрѣ того, какъ Элеонора выросла, отецъ и мать стали все больше и больше грустить и печальная тѣнь стала набѣгать на

ихъ лица. Они ничего не жалѣли для воспитанія своей дочери и она была прекрасна собой и умна, но—одного великаго дара въ ней не хватало: она не отличалась добротой.

Жестокая, нечувствительная, никогда не открывавшая своего сердца ни для жалости, ни для состраданія, она приводила этимъ въ ужасъ свою мать. Въ одинъ прекрасный день графиня Алиса отправилась къ пустыннику, жившему недалеко отъ замка въ пещерѣ и отличавшемуся святостью и строгой жизнью, и спросила его:

— Святой отецъ, — исправится-ли моя дочь?

Онъ поднялъ глаза къ небу, покачалъ головой и глубоко вздохнулъ.

— Только двѣ слезы, отвѣтилъ онъ,—и могутъ возвратить вашей дочери ея сердце.

— Двѣ слезы! воскликнула въ отчаяніи графиня.—Я готова пролить за нее цѣлые потоки слезъ, но развѣ она сама въ состояніи заплакать!

Она возвратилась къ себѣ домой и жизнь въ замкѣ потекла своимъ чередомъ.

Молодой графинѣ Элеонорѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ и такъ, за всѣ послѣдніе восемь лѣтъ, она и не пролила ни единой слезы.

Однажды, когда она была уже барышней, явился вѣстникъ изъ сосѣдняго замка и объявилъ, что его графъ, рыцарь Гюго намѣренъ посѣтить замокъ Рипмондъ, такъ какъ много слышанъ о красотѣ Элеоноры. Конечно, мать и отецъ молодой графини стали его поджидать и молва стала скоро прочить графа Гюго Элеонорѣ въ женихи.

И вотъ, взобравшись однажды утромъ на одну изъ башенъ своего замка, Элеонора вдругъ замѣтила вдалекѣ облако пыли и вооруженныхъ рыцарей, которые сопровождали своего молодого графа. Ихъ латы и вооруженіе сверкали на солнцѣ. Она тотчасъ-же сбѣжала внизъ, предупредила объ этомъ своихъ отца и мать, одѣлась въ свое лучшее платье, надѣла на себя драгоценности и по тогдашнему обычаю набросила на лицо

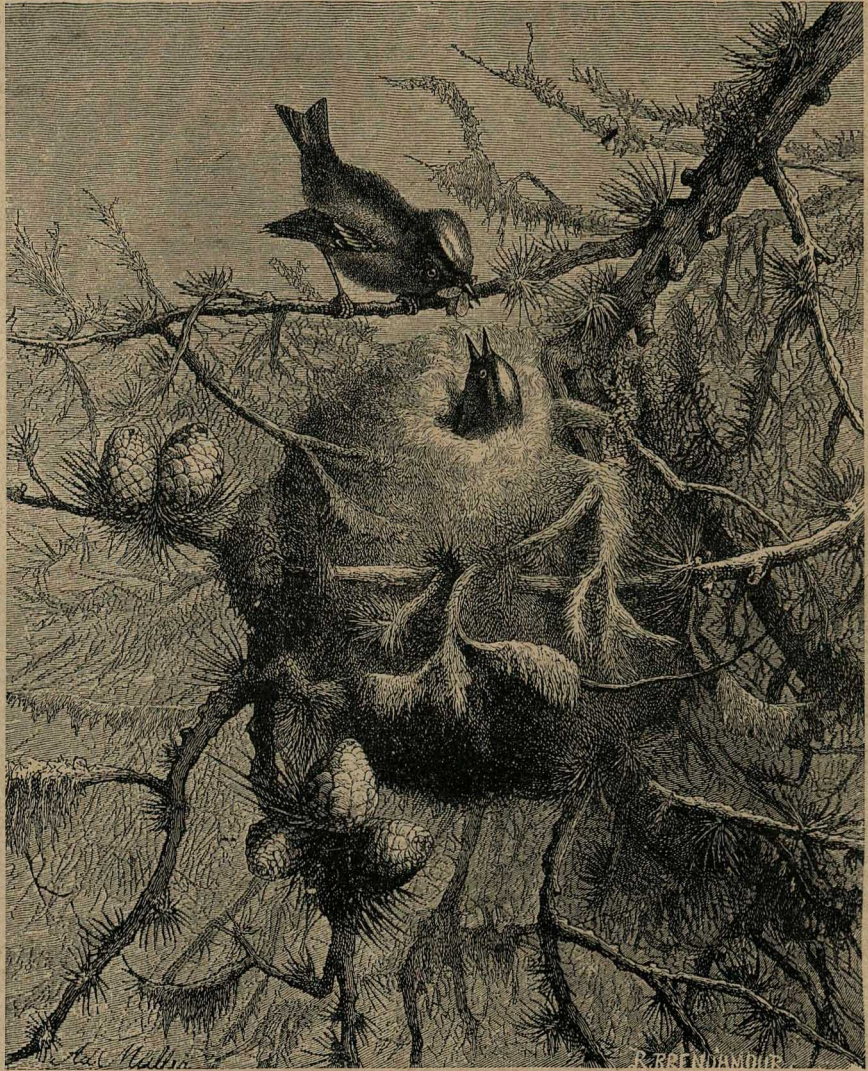
тонкую вуаль, сотканную изъ тончайшихъ серебрянныхъ нитей. Отецъ и мать ея тоже засуетились, одѣлись въ свои торжественные костюмы и сѣли въ главной залѣ на возвышенныя мѣста. Ихъ дочь помѣстилась, тоже по обычаю, у ихъ ногъ.

Но вотъ вошелъ къ нимъ со своей свитой Гюго. Представившись графу и графинѣ и увидѣвъ Элеонору, онъ не скрылъ отъ нихъ, что пораженъ ея красотой. Элеонора встрѣтила его высокомернымъ тономъ, но, побѣжденная его любовью, скоро перемѣнила съ нимъ обращеніе и это сразу всѣмъ присутствовавшимъ бросилось въ глаза. Неужели она перемѣнилась? Неужели благодаря посѣщенію этого молодого графа, она стала сразу добрѣе? Но графиня-мать знала тайну и потому недовѣрчиво покачала головой: для того, чтобы Элеонора была и оставалась доброй навсегда, необходимо было, чтобы она пролила всего только двѣ слезы. А она ихъ еще не пролила ни одной.

Начались праздники и торжества. Элеонору подхватилъ какой-то вихрь удовольствій и, не думая больше ни о комъ и ни о чемъ, она только танцевала и веселилась, то у себя въ замкѣ, то у родителей своего жениха. Гремѣли оркестры, собирались гости, затѣвались большія великосвѣтскія охоты, устраивались домашніе спек-

такли и маскарады и за все это увлеклись разговоромъ и неза- время веселились такъ, что некогда мѣтно отъѣхали далеко отъ сопро- было заняться ничѣмъ другимъ, кро- вождавшихъ ихъ гостей.

— Прочь съ дороги! вдругъ

Въ тепломъ гнѣздышкѣ.

Въ одинъ изъ дней, во время воскликнула Элеонора рѣзкимъ го- большой облавы, устроенной на лосомъ и лицо ея исказилось гнѣ- лисицъ, Элеонора ѣхала на лошади вомъ.—Какъ ты смѣешь загора- рядомъ со своимъ женихомъ. Они живать путь своимъ господамъ!

— Виновать, сударыня!.. послышался снизу чей-то дѣтскій голосъ.—Я сейчасъ съѣду въ сторону!.. Я хотѣлъ сдѣлать это раньше, но не успѣлъ!

Это былъ мальчикъ, который

могъ своротить съ дороги тяжелую телѣжку.

— Сейчасъ, сейчасъ, сударыня!.. лепеталъ онъ.—Я сейчасъ сверну!

— Долго ты тамъ будешь еще возиться! снова крикнула на не-

Пойдемъ выпускать!

везъ по дорогѣ телѣжку, нагруженную непосильной для него кладью и загородившую собой всю дорогу. Онъ весь былъ красный, потъ съ него такъ и струился ручьями и своими тоненькими, дѣтскими руками онъ никакъ не

могъ своротить съ дороги тяжелую телѣжку. — Долго еще намъ ждать?

Мальчикъ испугался, узнавъ свою молодую графиню.

— Но я не могу, отвѣтилъ онъ сквозь слезы,—у меня не хватаетъ больше силъ!

— Ну, такъ я тебѣ сейчасъ помогу!..

И она больно хлестнула его плетью по лицу.

Мальчикъ взвизгнулъ и схватился за щеку.

Графъ измѣрилъ ее удивленнымъ взглядомъ.

— Фи, графиня! сказалъ онъ.— Развѣ можно бить хлыстомъ дитя, которое только тѣмъ и провинилось передъ вами, что у него не хватило силъ?

И соскочивъ съ лошади, онъ подошелъ къ мальчику и сталъ ему помогать. Телѣжка дѣйствительно оказалась очень тяжелой. Сильнымъ движеніемъ плеча онъ своротилъ ее съ дороги, выкатилъ ее колеса изъ колеи и отвезъ ее въ сторону.

— Проѣзжайте теперь, графиня, ласково обратился онъ къ Элеонорѣ.— А ты, мой милый мальчуганъ, такъ и поѣзжай себѣ сторонкой, да берегись: позади насъ ѣдетъ еще цѣлая кавалькада всадниковъ и всадницъ. Ты можешь помѣшать и имъ!

Элеонора вспыхнула, ея черные глаза метнули искры гнѣва.

— Графъ! воскликнула она.— Развѣ достойно рыцаря и вашего графскаго титула, чтобы самому таскать на себѣ телѣги и унижаться до разговоровъ съ мужицкими дѣтьми?

— Я не знаю, что хуже, графиня, отвѣтилъ ей Гюго:—помочь

мальчику откатить телѣжку въ сторону, чтобы дать дорогу вашему сіятельству, или-же безжалостно хлестнуть его плетью по лицу?

Но ослѣпленная гнѣвомъ, она дала шпоры лошади и, какъ стрѣла, помчалась къ лѣсу.

— Элеонора, Элеонора!.. закричала ей вслѣдъ графъ.— Остановитесь!

Но она не пожелала его слушать, бросилась въ лѣсъ и долго мчалась куда глядѣли ея глаза. И когда наконецъ ея лошадь выбилась изъ силъ и упала, то свалилась вмѣстѣ съ нею и она. Графъ Гюго долго искалъ ее и не нашель.

Какая-то дѣвушка шла по лѣсу и, увидѣвъ молодую графиню, лежавшую безъ чувствъ, наклонилась надъ ней и стала ее приводить въ себя.

— Барышня, милая, очнись!.. ласково заговорила она.— Что съ тобою, голубушка?.. Ты ушиблась? Элеонора открыла глаза.

— Нѣтъ, ничего... отвѣтила она и съ трудомъ приподнялась, чтобы лучше разглядѣть, кто съ ней говорилъ.

Это оказалась какая-то крестьянка, одѣтая въ лохмотья.

Графиня попробовала было встать на ноги, но не смогла.

— Барышня, милая!.. снова заговорила крестьянка.— Болѣзная ты моя! Не ушиблась ли ты чѣмънибудь? Не повредила-ли ты свое бѣлоетѣло? Несломала-ли рученьку

свою прекрасную? Не принести-ли тебѣ чего-нибудь? Не хочешь-ли ты, дорогая моя, попить?

— Кто ты? спросила ее графиня.

— Я Сильвія, пряха... Мы съ братомъ живемъ здѣсь въ лѣсу.

— Въ такомъ случаѣ сведи меня сейчасъ-же въ замокъ Ришмондъ.

Сильвія вздохнула.

— Въ замокъ Ришмондъ? спросила она.—Но вѣдь солнце уже заходитъ и скоро будетъ ночь! Мы не успѣемъ.

— А развѣ мы оттуда такъ далеко?

— Очень далеко, драгоценная барышня,—до вечера и не дойти! Ваша лошадь лежитъ безъ ногъ...

— А гдѣ-же я въ такомъ случаѣ должна заночевать?

Сильвія указала ей на лачугу, виднѣвшуюся у опушки лѣса.

— Вонъ тамъ избушка, сказала она,—можно переночевать у насъ!

— У васъ? Въ этой грязной лачугѣ?

Вечеръ уже приближался. Въ лѣсу стало темно и всѣ птицы смолкли и улеглись на ночлегъ. Потянуло сыростью и гдѣ-то далеко пастухъ заигралъ на свирѣли и замычали стада. Элеонора смирилась. затаила въ себѣ свой гнѣвъ и понявъ, что ей только и оставалось одно — это принять приглашеніе крестьянки, молча послѣдовала за ней и скоро вошла въ избушку. Къ ея удивленію, въ ней оказалось

чисто и свѣтло. Съ большой неловкостью Сильвія предложила графинѣ поѣсть.

— Послѣ! отвѣтила она.—Зажги лучше лампу! Становится темно!

Дѣвушка добродушно засмѣялась.

— Ахъ, барышня, весело отвѣтила она,—у насъ, бѣдныхъ людей, лампы не такія, какъ у васъ!

И, подойдя къ печкѣ, она достала изъ нея лучину, вставила ее въ свѣтецъ и зажгла. Съ трескомъ и дымомъ лучина запылала и освѣтила комнатку багровымъ, неровнымъ пламенемъ.

— Ну, вотъ, милая барышня, и лампа! продолжала она.—Сейчасъ я сбѣгаю за лошадью, приведу ее сюда, если будетъ можно, а потомъ запру на ночь засовъ и мы будемъ въ безопасности. Если кто и захочетъ придти и ограбить насъ, то не сможетъ. Если и возвратится до ночи Тъено, то онъ заночуетъ гдѣ-нибудь на травѣ. Онъ будетъ такой усталый, что все равно отъ боли въ рукахъ и ногахъ не заснетъ.

Элеонора задумалась.

— Кто этотъ Тъено? спросила она.

— Мой братъ, отвѣтила дѣвушка.—Онъ отправился съ телѣжкой въ сосѣдній замокъ и повезъ туда продавать угли, холстъ и дрова.

И глубоко вздохнувъ, она добавила:—

— Бѣдный Тьено! Онъ такой болѣзненный и слабый, а ему еще приходится каждый день таскать такую тяжелую телѣжку за десять верстъ!...

Элеонора покраснѣла. Значить, тотъ мальчикъ, котораго она ударила по лицу плетью, былъ братомъ этой гостепріимной дѣвушки.

Сильвія отправилась въ лѣсъ за конемъ и скоро привела его и поставила его въ хлѣвокъ.

— Ъшь, лошадушка! сказала она, положивъ ей на всю ночь въ ясли свѣжей травы.—Купай на здоровье! Вишь, какъ тебя загнояли!

Она похлопала ее по шеѣ и возвратилась къ себѣ въ избушку. Графиня все еще стояла у окна, боясь сѣсть, чтобы не испачкать о лавку своего роскошнаго платья.

— Мнѣ хочется ѣсть!—сказала она, увидѣвъ дѣвушку.

Сильвія тотчасъ-же отрѣзала ей ломоть чернаго хлѣба и налила чашку молока. Графиня сдѣлала гримасу. Она не ѣла такъ еще никогда. Но голодь взялъ свое и она съѣла то, что ей предложили. Черный хлѣбъ, который она ѣла только въ первый разъ въ жизни, очень понравился ей.

— А теперь, милая барышня, снимай-ка свое платье, обратилась къ ней Сильвія,— и ложись-ка спать. Отдохни немножко, моя дорогая, ты вѣдь устала!

— Я прошу тебя обращаться

со мной на „вы“! строго сказала ей графиня.

— Ну, на вы, такъ на вы! просто согласилась крестьянка.— Не все ли равно? Ложитесь-ка, говорю, дорогая барышня, спать! Закройте глазки и засните!

— Такъ раздѣнь меня!

Дѣвушка стала раздѣвать свою новую госпожу и дѣлала это плохо, такъ какъ не знала, гдѣ что пристегнуто и на чемъ что пришито. Тѣмъ не менѣе она съ грѣхомъ пополамъ раздѣла графиню и уложила ее въ постель.

На слѣдующее утро послышался голосъ:

— Сильвія, дай мнѣ умыться и одѣнь меня!

— Сейчасъ, барышня милая, я сейчасъ!...

И пока Сильвія одѣвала ее, графиня молча поглядывала на эту худенькую фигурку, которая суеги-лась вокругъ нея и которая показала ей еще болѣе блѣдной и уставшей, чѣмъ была вчера.

— А ты гдѣ спала сама? спросила она ее.

— Я не спала всю ночь, просто отвѣтила ей Сильвія.—Я уступила вамъ мою постель. Кромѣ того, я все время поддерживала огонь, чтобы вамъ не было страшно и темно...

Въ открытую дверь врывались радостные лучи солнца. Дѣвушка вынесла на дворъ столикъ, скамейку, вывела графиню, усадила

ее за столикъ и вновь предложила ей чернаго хлѣба и молока.

— Сильвія, вдругъ обратилась къ ней Элеонора, отвѣдавъ предложеннаго ей завтрака. — Ты не скучаешь по бѣломъ хлѣбѣ?

— А какой его вкусъ?

— Ты никогда не ѣла бѣлаго хлѣба? Несчастливая!... Ну, такъ я устрою такъ, что ты его попробуешь... Когда ты проводишь меня до замка, то я прикажу вынести тебѣ его цѣлую краюшку. Но отчего ты не ѣшь вмѣстѣ со мною?

Сильвія опустила глаза и промолчала.

— Дай мнѣ еще чернаго хлѣба! продолжала графиня. — Онъ мнѣ нравится.

— Я вамъ отдала, барышня, послѣдній кусокъ, робко отвѣтила Сильвія. — Бѣдный Тьено задержался въ дорогѣ и до сихъ поръ еще не возвращался домой. Вѣроятно, ему, бѣднягѣ, не удалось продать ничего... Онъ тоже теперь голодный...

— Что-же ты будешь ѣсть, если онъ не вернется до вечера?

— Такъ и просижу до вечера безъ ѣды!

Лицомъ къ лицу съ такой вопіющей бѣдностью, Элеонора вскочила и схватила Сильвію за руку.

— Зачѣмъ же ты отдала мнѣ свой послѣдній кусокъ? спросила она ее.

Сильвія опустила глаза.

Что-то мягкое, теплое, зашеве-

лилось вдругъ въ душѣ у Элеоноры. Ей стало жаль дѣвушку и въ первый разъ въ жизни захотѣлось ей хоть чѣмъ нибудь помочь.

— Почему-же ты не съѣла хлѣбъ сама?

Сильвія посмотрѣла на нее ласковыми, довѣрчивыми глазами.

— Какъ-же я могла-бы вамъ отказать? — проговорила она. — Вы моя гостя и я должна была отдать вамъ все. Если-бы я этого не сдѣлала, то всѣ считали-бы меня злою. Развѣ проживешь на свѣтѣ только для одного себя? Мы и такъ по бѣдности не дѣлаемъ никому добра.

Затѣмъ онѣ вошли обратно въ избушку. Сильвія, худая, блѣдная, голодная, въ безсиліи опустилась на скамью.

— Поскорѣ бы пришелъ Тьено... продолжала она упавшимъ голосомъ. — Все таки онъ принесъ-бы съ собой хоть немножко хлѣба!... Но его все нѣтъ и нѣтъ... Вѣрно и онъ тоже не заработалъ ничего!

Графиня смутилась. Въ ней происходилъ какой-то странный переломъ. Въ первый разъ въ жизни ей стало жаль этихъ бѣдныхъ, голодныхъ людей. Врожденное чувство человѣчности проснулось вдругъ у нея въ душѣ, ея охладѣвшее съ дѣтства сердце вдругъ стало оттаивать отъ доброты этой простой, чужой для нея, крестьянской дѣвушки и нѣжное чувство

любви къ ближнему и состраданіе вдругъ тонкой струйкой полились ей прямо въ сердце.

— Сильвія, Сильвія! Милая, бѣдная, самоотверженная Сильвія! вдругъ воскликнула она и глубокой вздохъ вырвался у нея изъ груди. — Какъ ты должна теперь страдать по моей винѣ! Я отняла у тебя послѣдній кусокъ, а твоего бѣднаго несчастнаго брата ударила плетью по лицу! Какъ я жестока, Боже мой, какъ я жестока!

И двѣ слезы засвѣтились у нея на глазахъ и, какъ брилліантовыя росинки, скатились у нея по щекамъ. Она плакала въ первый разъ за всю свою жизнь, и чтобы скрыть это, отвернулась къ окну. Въ это время около избушки послышался лошадиный топотъ. Но она его не замѣтила и такъ и прильнула къ косяку, приложивъ платокъ къ глазамъ.

Заслышавъ чужого, Сильвія выбѣжала на крыльцо и скоро ввела къ себѣ въ лачугу какого-то господина.

— Пожалуйте, пожалуйста, батюшка!... заговорила она. — Милости просимъ! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!

Это былъ графъ Гюго.

Элеонора увидала его и прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать ей привѣтствіе, она бросилась къ нему и схватила его за руку.

— Вы знаете, графъ, сказала она, — у этой бѣдной дѣвушки я

съѣла ея послѣдній кусокъ хлѣба. Теперь она голодна и я не знаю, какъ ей помочь!

— Не безпокойтесь, матушка, барышня, спокойно отвѣчала Сильвія, — я могу подождать хлѣбца еще дня два или три!

— Тебѣ этого не придется дѣлать! сказала графиня. — Ты поѣдешь сейчасъ со мной и согласишься вмѣстѣ со своимъ братомъ у меня навсегда!

— Почему? спросилъ ее въ удивленіи графъ Гюго.

— Потому что я считаю ее своей сестрой. Своей добротой она показала мнѣ примѣръ и я не хочу быть хуже ея!

— Но вѣдь до сихъ поръ вы считали себя лучшей, чѣмъ всѣ другіе! возразилъ ей графъ.

Она подвела его къ окну и указала ему на слезы, все еще блестящія у нея на глазахъ.

— Видите? сказала она. — Теперь я понимаю, что значить плакать за другихъ!

Онъ взялъ ее руку и съ благоговѣніемъ поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Да благословитъ васъ Богъ! сказалъ онъ. — Сейчасъ вы счастливые, чѣмъ были до сихъ поръ.

Она и сама сознавала, что въ ней произошла большая перемѣна и чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что теперь для нея открывалась новая жизнь, полная разумной дѣятельности и счастья для другихъ.

Въ это время въ лѣсу кто-то громко и весело запѣлъ.

— Это Тьено! встрепенулась Сильвія.— Мой братъ!...

Всѣ трое вышли къ нему на встрѣчу.

Изъ-за деревьевъ показалась нагруженная телѣжка, а затѣмъ уже и мальчикъ Тьено. Онъ выбивался изъ силъ, мускулы его напругались, но онъ былъ веселъ и распѣвалъ во все горло и на разные голоса.

— Боже мой! воскликнула Сильвія.— Онъ привезъ все назадъ! Онъ не продалъ ничего! Что мы теперь будемъ ѣсть?

Мальчикъ выѣхалъ изъ лѣса и остановился у его опушки.

— Го-го! крикнулъ онъ кому-то въ пространство.

— Го-го! отвѣтило ему эхо.

А затѣмъ онъ подѣхалъ къ своей лачугѣ и сразу вздрогнулъ, узнавъ ту, отъ которой только еще вчера получилъ по лицу ударъ.

— Ты чтонибудь ѣлъ? спросила его Сильвія.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ ей весело и снова закричалъ кому-то! Го-го!

— Го-го! снова отвѣтило ему эхо.

— Кому это ты кричишь? спросилъ его графъ.

Мальчикъ сконфузился своей шалости и опустилъ глаза.

— Мнѣ нравится, отвѣтилъ онъ,— что тамъ откликается кто-то точь въ точь такимъ-же голосомъ, какъ и я.

Графъ подошелъ къ графинѣ и взялъ ее за руку.

— Такъ и въ жизни! сказалъ онъ.— Какъ мы сами относимся къ людямъ, такъ точно относятся къ намъ и они!

И всѣ вмѣстѣ, взявъ за поводъ лошадей, отправились въ замокъ.

Свѣтило солнце, распѣвали птицы и Элеонорѣ казалось, что все какъ-то сразу измѣнилось и вдругъ получило новое значеніе и смыслъ.

А. М.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Встрѣтились двое въ лѣсу. Старшій и говоритъ:— „Здравствуй, мое дитя! Я твой отецъ, но ты мнѣ не сынъ!“.

Кто-же именно встрѣтился?

II.

Вставить на мѣста точекъ недо-

стающія гласныя буквы и прочесть начало известной басни Крылова:

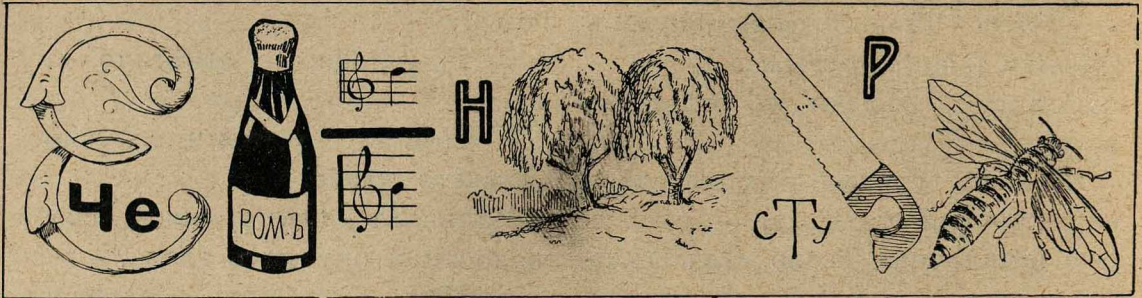
II. пр. г. нь. стр. к. з. л. т. кр. сн
.. пр. п. л. . гл. н. тьс. н. . сп. л. к. къ
з. м. к. т. ть въ м. з.

Какая это басня?

III.

Названія двухъ городовъ Перм-

Ребусъ № 15.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

ской губерніи поставлены рядомъ и, оба вмѣстѣ, состоятъ изъ 16 буквъ: 1.2.3.4.5.6.7.8.9.10.11.12.13.14.15.16.

Буквы 15.10.7.6.14.3 означаютъ музыкальный инструментъ, 1.2.8.7.14.10.11.3—красную рыбу, 12.3.9.6.12.6.11.16 и 7.9.13.12.6—инструменты, которые имѣются въ каждомъ полку, 2.7.8.6.14.10.11.16—горючее вещество, 5.13.2.7.3.9.11.10.5.16—мелкую заросль, 15.14.10.12.16—то, что мы любимъ собирать въ лѣсу, 5.9.1.7.16—животное, живущее подъ землей, 12.4.14.8.15.16—то, что есть у моря, озера и рѣки, 7.4.6.7.14.16—мѣсто, гдѣ даются представленія, 7.6.14.3.11.7.6.2.16—деревенскій экипажъ, 5.3.9.7.10.11.6—то, чѣмъ мы украшаемъ свои жилища.

Какія это слова и названія какихъ городовъ задуманы?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помпщенныхъ въ № 13 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Молоко, село + колъ = колоколь. II. Молоко, локомо + тивъ = локомотивъ. III. крыса, письмо, товаръ = самоваръ. IV. Проказница Мартышка, Осель,

Козель, да косолапый Мишка за- тѣяли сыграть квартетъ.

Шуточные вопросы. 1. Стихотвореніе (стихъ отъ варенія), 2. Смотрить въ книгу. 3. Изъ буквъ н, е, б, о; кончается буквой „о“. 4. По Смоленской дорогѣ. 5. За столомъ. 6. За кустомъ, за заборъ. 7. По дорогѣ.

Ребусъ № 13. Лѣ + томъ + въ + полъ + день + око + л + осель + а + п + ели + жа + воронъ + ки = Лѣ- томъ, въ полдень, около села пѣли жаворонки.

Вѣрные рѣшенія прислали: Лена Каганъ, Костя Криночкинъ изъ Пермь, Мавя Нетунахина изъ Ржева, Леля Васильева изъ Оренбурга, Тамара и Геля Коровкины изъ Кирилова, Нина Русанова изъ Екатеринослава, Сережа Лебедевъ изъ Зубова, Коля Шкляръ изъ Уфы, Коля Валенчицъ изъ Вильны, Валя Ведерниковъ, кто-то безъ подписи—крупными буквами, Сережа Азбукинъ изъ Брянска, Шура, Нина и Андрияша Проскуряковы изъ Вологды, Василий Лукьяновъ изъ Евпаторіи, Шура Ермакова изъ Касимова, Федя Тулиновъ изъ Ефремова, Ксенія Соболева, Н. Мацневъ изъ Кіева, Шура, Петя и Кока Глубоковскіе въ СПБ., Сережа и Шурикъ Фохты изъ Гродны, Конрадъ Черноцкій и Золотая Рыбка изъ Суйды, Игрушечка Толмачевъ изъ Княжицъ, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Маруся Федотова, Мушка и Шуркашка изъ Рыбинска, Нина Пыхтѣва изъ Мензелинска, Витя Братковъ изъ Кіева, Николай Орловскій со ст. Сѣверской, Серафимъ Важинскій, Андрияша Гершунъ въ СПБ., Анатолій Кочневъ изъ Вѣрнаго, Кто-то безъ подписи на клѣтчатой бумагѣ красными чернилами, Лиза, Кока, Сима Самсоновы изъ Луги, Леля Гранъ изъ Вологое, Рива Гуревичъ изъ Рѣчицы.

ОТКРЫТА РОДИНА

Содержание

1. Введение

2. История

3. Описание

4. Заключение

5. Литература

6. Приложение

7. Заключение

8. Заключение

9. Заключение

10. Заключение

ОТКРЫТА РОДИНА

ОТКРЫТА РОДИНА

Годъ изданія пятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя разалеченія и проч. и проч.).
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ 22, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Перемѣна адреса—28 коп.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Книга съ раскрашенными картинками
„СЪДАЯ СТАРИНА“.

(Легенды о быломъ).

Соч. А. Гербертсонъ.

Рисунки Елены Страттонъ.

Цѣна 60 коп. съ пересылкой

Высылается по первому требованію
изъ редакціи „Золотое Дѣтство“
С.-Петербургъ, Каменноостровский пр., 22.

№.№ 1—6 „Золотого Дѣтства“ вышли ВТОРЫМЪ изданіемъ.